

A photograph of two women standing on a beach, both wearing long, white, flowing dresses. They are looking towards the right side of the frame. The background shows a calm sea and a distant shoreline with trees under a soft, hazy sky. In the top right corner, there is a circular icon containing the text '16+'.

16+

МАРИНА СУШИЛОВА

ПОДРУГИ

Марина Леонидовна Сушилова

Подруги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50175808

SelfPub; 2020

Аннотация

Говорят, что женской дружбы не бывает. Говорят, что стоит только появиться мужчине между ними, – и нет такой подлости, на которую не были бы способны бывшие подруги. Но это говорят. Как бы ни была, не разлучала и не сталкивала их лбами судьба, две души умудрились пронести искреннюю привязанность через всю жизнь. А еще эта история о том, как важно для человека возвращаться домой, на Родину.

Содержание

Четырнадцатилетние	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Четырнадцатилетние

Они выросли на одной улице – тихой улице среднеазиатского города. Когда-то давно, во время войны их семьи были эвакуированы с Украины, да так и остались здесь. Сначала они жили в общежитии, затем им были выделены участки земли – всем на одной улице, и началось строительство домов, которые впоследствии не раз перестраивались. Постепенно русский язык с примесью азиатчины вытеснил певучий украинский говор, и остались только дивные фамилии, вроде, Некопайколодыко. Наступили благословенные шестидесятые, и стали рождаться те самые дети, у которых было счастливое детство, юность, омраченная похоронами на соседней улице, куда был доставлен «груз 200» и неустроенная взрослая жизнь в ожидании Апокалипсиса.

Дворики теснились, разделенные невысокими заборами, оплетенные виноградом. Вишневые, абрикосовые, сливовые деревья давали каждое в свою очередь ароматные душистые плоды, лето грело, жарило, палило. Недолгая, почти бесснежная зима вздымала почерневшие безлистные руки деревьев к небесам.

Наталка и Ксения, или на украинский манер Оксанка, дружили с самого рождения. Как только они стали самостоятельно передвигаться, сначала на пухлых, а затем на более резвых ножках, они почти не расставались.

Наталка была любимицей всей улицы – густые русые волосы, голубые глаза, тоненькая, высокая. Ее баловали, и она знала себе цену. Ее подруга была красива тоже, но здесь в Азии, ее западно-украинская чернявая красота растворялась в азиатской смуглости и не притягивала взгляды окружающих так, как белокожее капризное личико Наталки. Кроме того, Ксюша была мечтательным, не очень уверенным в себе ребенком. Она много времени проводила за книгами, родители, которых она называла на «Вы», воспитывали ее в строгости и послушании. В то время, как Наталка каталась на велосипеде по пыльной улице, терпеливо дожидаясь подругу, Оксанка мыла полы и помогала бабушке встряпне. Закончив дела и чмокнув бабуся в мягкую пухлую щеку, Оксанка бежала на улицу, запрыгивала на багажник Наталкиного велосипеда, и они уезжали на берег канала. Там Оксанка часами слушала подружку, которая рассказывала, как Вовка помогал ей чинить велосипед и как за ней бегают Санька; и что Ахметка, ну тот, которому семнадцать лет, грозился выкрасть ее. Оксанка только изредка ее предостерегала:

– Ты будь осторожнее, Наталка, от этого Ахмеда всего можно ожидать! А впрочем, – рассудительно заключала она, – ему все равно жениться на тебе родители не позволят.

Наталка возражала:

– Если бы я его поманила, он бы и на родителей не посмотрел! Только мне он не нужен. – Она гордо встряхивала косами.

– А кто же тебе нужен? – спрашивала Оксанка, любясь подругой.

– О, – тянула Наталка, – на нашей улице таких нет. Вот, когда-то, я возвращалась с занятий танцевального кружка и видела в автобусе парня. Высокий, широкоплечий, умный.

– Ну, с чего ты взяла, что он умный?

– Я почувствовала это. А, кроме того, он не отрывал взгляда от какой-то толстенной книги. Вот такой бы мне подошел. А тебе, кто тебе нравится?

– Пока никто.

– Совсем, совсем никто?

– Ну, немного Кривобоков, ты же знаешь.

– Твой Кривобоков вечно ходит с замурзанными руками, он ничем не интересуется, кроме своих чертежей. Ты с ним со скуки помрешь.

– Вовсе он не мой. Просто говорю, что он – хороший парень.

И подруги долго еще обсуждали волновавшую Наталку тему. Наталка перебирала достоинства и недостатки всех знакомых им парней, а Оксанка почти не слушала ее, сидела рядом, обняв колени руками, не сводя задумчивого взгляда с другого берега канала, над которым, почти касаясь деревьев, плыли кучевые облака.

– Куда ты смотришь? – вывел из задумчивости Оксанку вопрос подруги.

– Смотри, Наталка, то облако похоже на печальное лицо. –

Наверное, и облако влюблено в тебя.

– Вечно ты что-нибудь выдумашь! – Засмеялась разборчивая красавица, польщенная замечанием подруги.

Подруги сидели на берегу канала, наслаждаясь последними днями уходящего лета. Солнце уже не палило, а ласкало теплом спины девочек сквозь легкую ткань легких платьиц. Небо, отражаясь в темно-карих глазах Ксении, окрашивало их в удивительный фиалковый цвет, длинные ресницы смягчали взгляд, каштановые кудри свободно ниспадали на худенькие плечи, смуглый румянец оттенял щеки с ямочками, – да, лицо Ксении было прекрасным, кротким, нежным. Но фигурка – неразвитой, руки тонкими, коленки и локотки выпирали острыми углами, как у кузнечика, – короче говоря, она выглядела совсем еще ребенком по сравнению с рано округлившейся подругой.

А в это время Ахмед горячо уговаривал знакомого парня, у которого были права на отцовскую «Волгу»:

– Али, помоги, жизни мне без нее нет! Умру, если не сможешь!

– Ахмед, что за слезы? Вытри, ты же мужчина! Помогу, помогу, только нужно подготовиться. А теперь уходи. Придешь, когда высохнет твое лицо.

Ахмед ушел, а Али бросился на завод, где работал отец Ахмеда.

– Слушай, Мурад, дурит ваш парень. Задумал украсть Наташку – Петрову дочку. Пришел, меня уговаривал, денег

обещал. Иначе, говорит, зарежу ее и себя. Ведь, ей всего четырнадцать, посадят дурака, и вы сраму не оберетесь!

Вечером Мурад порол своего сына.

– Ах, щенок, позорить меня вздумал! Выбью из тебя эту дурь!

Мать металась возле двери комнаты, не смея туда зайти. А Ахмед, молча, кусал губы. На рассвете мать зашла в комнату сына. Кровать была пуста. Ахмед пропадал три дня. Мать извелась, хотела сообщить в милицию, но Мурад хмурый, необычно молчаливый, не позволил сделать этого:

– Жив, жив, паршивец, явится, никуда не денется!

И действительно, Ахмед появился. Упал на колени перед отцом.

– Поднимись. Прощу, когда станешь покорным сыном, научишься уважать волю родителей.

Через неделю мать отозвала Ахмеда в сторону и, жалостливо глядя на сына, сказала:

– Что ж ты наделал, сынок? Теперь отец надумал женить тебя.

– Как женить? Мама, я никого не возьму в жены, кроме Наталки! Я буду ходить за ней пока она не согласится выйти за меня!

– Что ты, что ты, сынок, – мать опасливо оглянулась на дверь, – Отец никогда не позволит тебе жениться на русской. А, кроме того, родня невесты уже дала согласие. Не упрямясь, сынок, отец говорит, что Салтанат – хорошего рода, крас-

сивая, воспитанная, неизбалованная.

Спустя месяц поздно вечером в доме появилась испуганная шестнадцатилетняя девчонка, которую Мурад привез из далекого горного аила. Девушка забилась в угол комнаты и затравленно смотрела на незнакомых ей людей. Мать накрыла ее платком и отвела в спальню. Отец приказал сыну идти к молодой жене.

– А чтобы тебе помочь, бабушка приготовила отвар для настоящего мужчины. На, пей! – тоном, не терпящем возражений, приказал отец и протянул сыну пиалу с чем-то зеленым.

Ночью Ахмед с остервенением насиловал дрожащую зареванную девчонку, которая вначале пыталась кусаться и с ненавистью кричала: «Не тронь меня, я не хочу быть твоей женой! Верни меня домой!» – и которая впоследствии, когда Ахмеда привезли в цинковом гробу из Афганистана, больше ни за кого не вышла замуж, найдя в семье Мурада опору, защиту, а также, добрую мать и справедливого отца.

Быстро пролетели каникулы. И вот уже подруги снова сидят за школьной партой, прилежно записывая за Ниной Семеновной определения и формулы по химии. Казалось, что и не было этого жаркого беспечного лета: навалились домашние задания, уроки, ответы у доски. Учительница стояла у преподавательского стола – прямая, нервная, в барашках химической завивки и, стирая мел с тонких пальцев, пыта-

лась втолковать очередной параграф в проветренные за лето головы своих учеников. Нина Семеновна была классным руководителем и поэтому считала своим долгом следить не только за школьными успехами вверенного ей класса, но и за нравственным поведением и душевным состоянием своих подопечных. Кроме того, она была старой девой.

– Класс, внимание! Иванов, что ты крутишься? Записывай формулы, потом опять будешь заглядывать в чужие тетради! Синицина, убери зеркало! Сейчас не красоту надо наводить, а учиться. Распустились за лето. Заженихались, заневестились! – гневно, с презрением к этому естественному для восьмиклассников процессу, говорила старая дева.

Нину Семеновну старшеклассники не любили. В общем-то, она была неплохой в душе, но пыталась заработать себе авторитет, напуская строгость. Когда-то она подавила в себе женщину, и с тех пор, мир окрасился в блеклые цвета, она не жила, а существовала между пустым домом, в который она старалась придти попозже, и шумной школой, которой, по ее выражению, она отдавала всю себя. Но поступала она так не потому, что любила чужих детей, а только потому, что у нее не было своих, да и вообще, никого, кому бы можно было бы дарить любовь и нежность. Всех поражала ее дружба с любимицей школы Елизаветой Васильевной. Елизавета Васильевна – преподаватель физики была крепкой и физически, и морально. Кажется, ничего на свете не могло вывести ее из добродушного восприятия учеников, школы,

жизни. Она грубовато покрикивала на учащихся, но никто не обижался на нее. Она носилась со своим классом по выставкам, музеям, походам, пела под гитару у костра, любимым ее спортом было катание на горных лыжах. Вся школа знала, как она скрутила пьяного отчима Сидоренко – тощего, но буйного мужичка, который гнался по улице с выломанной ножкой стула за своим пасынком, и что потом Васенька Сидоренко жил у нее неделю. И вот к этой полнокровной, жизнерадостной женщине на удивление всем, частенько заходила Нина Семеновна.

Быстро летели дни: занятия в школе, контрольные, шумные перемены. Пришел Новый год с запахом хвои, апельсин, ощущения детства. Вечерами Наталья и Ксения, сделав письменные задания, выбегали на улицу, присоединяясь к шумной стайке одноклассников. Этой зимой выпал снег. Было чудом стоять напротив фонарного столба и наблюдать падающий, искрящийся под светом фонаря снег. Часто по выходным или просто в свободное время, Наталка приходила домой к подруге и они вместе делали домашние задания. Потом включали проигрыватель, слушая пластинки, которые покупала Оксанка и ее старший брат. Им редко нравилось одно и то же.

– Послушай, Наталка, это Тухманов третий сборник! Саша выстоял час в очереди, чтобы его купить. Надо же, песни на стихи Бодлера, Сафо! Наталка, ты послушай – они думали и чувствовали так же, как и мы. Сколько веков пронеслось

над землей, а оказывается, ничего не изменилось!

Но Наталка не разделяла восторга подруги. Из всего сборника ей понравилась только Песенка студентов. Различными были и их литературные вкусы. Обе много читали. Но Наталка любила приключенческую литературу и фантастику, а Ксения зачитывалась перепечатками из Омара Хайяма, Окуджавы, Вознесенского. На ее книжной полке стояли тома Алексей Толстого, Чехова, Гоголя, избранное Цвейга, альбомы с репродукциями из коллекций музеев мира.

В первый день четвертой четверти в класс вошли Нина Семеновна и новенький.

– Прошу любить и жаловать – это Виталий Миронов, представила Нина Семеновна, – ваш новый одноклассник. Я надеюсь, что вы подружитесь.

Оксанка взглянула на новенького и замерла – это был ОН – высокий, улыбчивый, золотоволосый.

Весна дурманила, пьянила, дарила сумасшедшими мечтами. Даже лягушки в арыке ликовали, и их горловой дружный хор разносился с приходом сумерек по всему району. Выплывала круглая луна и, улыбаясь древним медным лицом, так же что-то обещала. Оксанка теперь жила надеждами: кажется, она тоже нравилась новенькому. Он был с ней дружелюбен, она замечала, что он часто оборачивается в их сторону, а на переменах старается подойти поближе к парте. Он оказался начитанным пареньком, как-то в разговоре

обмолвился, что у него есть Рождественский и принес ей тоненький сборник, отпечатанный на серой газетной бумаге. У Оксанки дрогнуло сердце, когда она случайно коснулась пальцев Виталика, принимая от него книгу. Виталик стал часто бывать на их улице, и это тоже что-то значило. А как-то после субботника, он сказал, что ему с ними по пути и вызвался проводить их домой, причем, шел он рядом с Оксанкой. Девочка была очень оживлена в этот период. Обычно она витала где-то, едва замечая реальность, сосредотачиваясь только на уроках, а теперь реальность властно вошла в ее жизнь. Птицы будили с утра и наперебой трещали ей про то, что не успеет она войти в класс, как увидит его; сны дарили его образ; даже, любуясь цветущими деревьями, Оксанка думала о нем. И тут на нее обрушились слова: «А Виталик – ничего, он мне нравится». – И Наталка напустила на паренька свои чары. А через некоторое время, к Оксанке подошел смущенный Виталик и, не поднимая глаз, попросил дать ему возможность сидеть за одной партой с Наталкой.

– Ты тоже хочешь, чтобы я пересела? – спросила Оксанка подружку, чувствуя, что голос сейчас выдаст ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.